

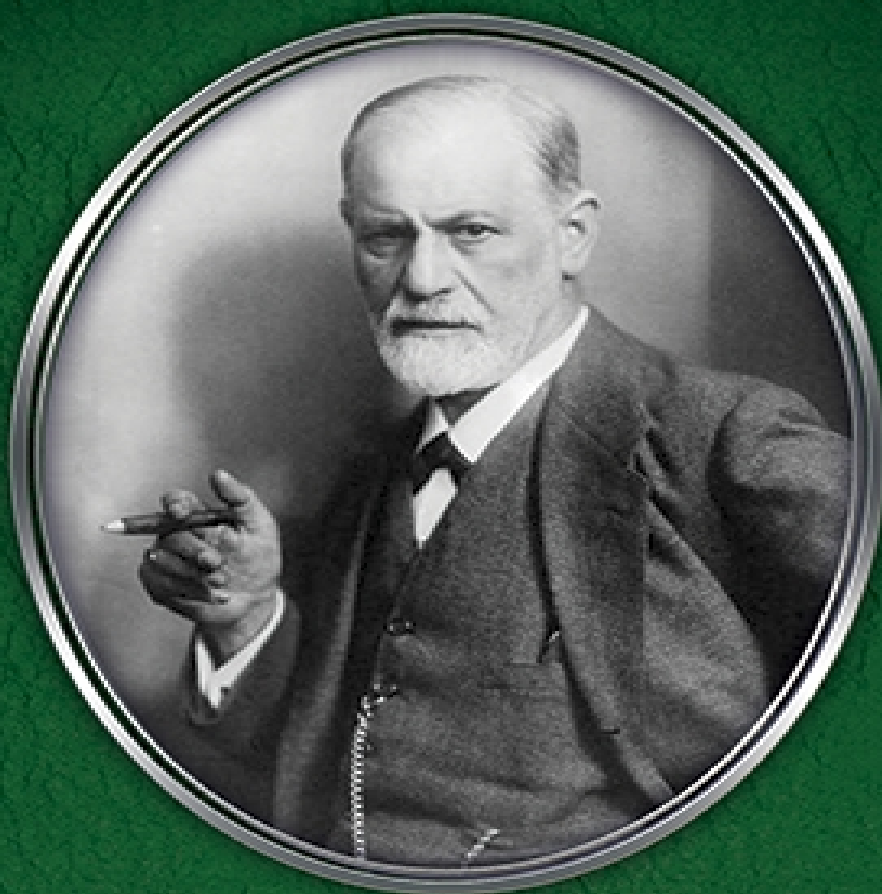
Введение в психоанализ

Про книгу

Самое полное и точное введение в теорию и практику классического психоанализа, сновидений, неврозов и человеческой сексуальности. Без этой работы не было бы современной психологии! Большинство используемых сегодня психологических практик в той или иной степени развились из теорий Фрейда или из критики его трудов.

Эта книга написана доступным даже для непрофессионала языком. Теории и методы, описанные здесь, понятны и структурированы.

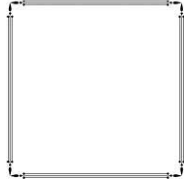
Книга будет интересна всем, кто интересуется тайнами человеческой психики.

Зигмунд
ФРЕЙД

ВВЕДЕНИЕ
В ПСИХОАНАЛИЗ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Arising Pipers.

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

**Введение
в психоанализ**

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА
Харьков Белгород
2012

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2015

ISBN 978-966-14-8989-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Фрейд З.

Ф86 Введение в психоанализ / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем. Г. В. Барышниковой. — Харьков :
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб
семейного досуга”», 2012. — 480 с.

ISBN 978-966-14-2750-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-1840-1 (Россия)

УДК 159.964

ББК 88.32

Перевод с немецкого:

«Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse» vor Sigmund Freud

Перевод *Г. В. Барышниковой*

Литературная редакция *Е. Е. Соколовой и Т. В. Родионовой*

Вычитано по переизданию:

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. — М.: Наука, 1989

Куратор проекта *Ирина Кузьменко*

Дизайнер обложки *Надежда Величко*

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2012

Часть первая

Ошибочные действия

1916 [1915]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателя «Введение в психоанализ» ни в коей мере не претендует на соперничество с уже имеющимися сочинениями в этой области науки (*Hitschmann. Freuds Neurosenlehre. 2 Aufl., 1913; Pfister. Die psychoanalytische Methode, 1913; Leo Kaplan. Grundzüge der Psychoanalyse, 1914; Régis et Hesnard. La psychoanalyse des névroses et des psychoses, Paris, 1914; Adolf F. Meijer. De Behandeling van Zenuwzieken door Psycho-Analyse. Amsterdam, 1915*). Это точное изложение лекций, которые я читал в течение двух зимних семестров 1915/16 г. и 1916/17 г. врачам и неспециалистам обоего пола.

Все своеобразие этого труда, на которое обратит внимание читатель, объясняется условиями его возникновения. В лекции нет возможности сохранить бесстрастность научного трактата. Более того, перед лектором стоит задача удержать внимание слушателей в течение почти двух часов. Необходимость вызвать немедленную реакцию привела к тому, что один и тот же предмет обсуждался неоднократно, например в первый раз в связи с толкованием сновидений, а затем в связи с проблемами неврозов. Вследствие такой подачи материала некоторые важные темы, как, например, бессознательное, нельзя было исчерпывающе представить в каком-то одном месте, к ним приходилось неоднократно возвращаться и снова их оставлять, пока не представлялась новая возможность что-то прибавить к уже имеющимся знаниям о них.

Тот, кто знаком с психоаналитической литературой, найдет в этом «Введении» немного из того, что было бы ему неизвестно из других, более подробных публикаций. Однако потребность дать материал в целостном, завершенном виде вынудила автора привлечь

в отдельных разделах (об этиологии страха, истерических фантазиях) ранее не использованные данные.

*Вена,
весна 1917 г.*

Фрейд

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые дамы и господа! Мне неизвестно, насколько каждый из вас из литературы или понаслышке знаком с психоанализом. Однако само название моих лекций — «Элементарное введение в психоанализ» — предполагает, что вы ничего не знаете об этом и готовы получить от меня первые сведения. Смею все же предположить, что вам известно следующее: психоанализ является одним из методов лечения нервных больных; и тут я сразу могу привести вам пример, показывающий, что в этой области кое-что делается по-иному или даже наоборот, чем принято в медицине. Обычно, когда больного начинают лечить новым для него методом, ему стараются внушить, что опасность не так велика, и уверить его в успехе лечения. Я думаю, это совершенно оправданно, так как тем самым мы повышаем шансы на успех. Когда же мы начинаем лечить невротика методом психоанализа, мы действуем иначе. Мы говорим ему о трудностях лечения, его продолжительности, усилиях и жертвах, связанных с ним. Что же касается успеха, то мы говорим, что не можем его гарантировать, поскольку он зависит от поведения больного, его понятливости, сговорчивости и выдержки. Естественно, у нас есть веские основания для такого как будто бы неправильного подхода к больному, в чем вы, видимо, позднее сможете убедиться сами.

Не сердитесь, если я на первых порах буду обращаться с вами так же, как с этими нервными больными. Собственно говоря, я советую вам отказаться от мысли прийти сюда во второй раз. Для этого сразу же хочу показать вам, какие несовершенства неизбежно присущи обучению психоанализу и какие трудности возникают в процессе

выработки собственного суждения о нем. Я покажу вам, как вся направленность вашего предыдущего образования и все привычное ваше мышление будут неизбежно делать вас противниками психоанализа и сколько нужно будет вам преодолеть, чтобы совладать с этим инстинктивным сопротивлением. Что вы поймете в психоанализе из моих лекций, заранее сказать, естественно, трудно, однако могу твердо обещать, что, прослушав их, вы не научитесь проводить психоаналитическое исследование и лечение. Если же среди вас найдется кто-то, кто не удовлетворится беглым знакомством с психоанализом, а захочет прочно связать себя с ним, я не только не посоветую это сделать, но всячески стану его предостерегать от этого шага. Обстоятельства таковы, что подобный выбор профессии исключает для него всякую возможность продвижения в университете. Если же такой врач займется практикой, то окажется в обществе, не понимающем его устремлений, относящемся к нему с недоверием и враждебностью и ополчившем против него все скрытые темные силы. Возможно, кое-какие моменты, сопутствующие войне, свирепствующей ныне в Европе, дадут вам некоторое представление о том, что сил этих — легионы.

Правда, всегда найдутся люди, для которых новое в познании имеет свою привлекательность, несмотря на все связанные с этим неудобства. И если кто-то из вас из их числа и, несмотря на мои предостережения, придет сюда снова, я буду рад приветствовать его. Однако вы все вправе знать, какие трудности связаны с психоанализом.

Во-первых, следует указать на сложность преподавания психоанализа и обучения ему. На занятиях по медицине вы привыкли к наглядности. Вы видите анатомический препарат, осадок при химической реакции, сокращение мышцы при раздражении нервов. Позднее вам показывают больного, симптомы его недуга, последствия болезненного процесса, а во многих случаях и возбудителей болезни в чистом виде. Изучая

хирургию, вы присутствуете при хирургических вмешательствах для оказания помощи больному и можете сами провести операцию. В той же психиатрии осмотр больного дает вам множество фактов, свидетельствующих об изменениях в мимике, о характере речи и поведении, которые весьма впечатляют. Таким образом, преподаватель в медицине играет роль гида-экскурсовода, сопровождающего вас по музею, в то время как вы сами вступаете в непосредственный контакт с объектами и благодаря собственному восприятию убеждаетесь в существовании новых для нас явлений.

В психоанализе, к сожалению, все обстоит совсем по-другому. При аналитическом лечении не происходит ничего, кроме обмена словами между пациентом и врачом. Пациент говорит, рассказывает о прошлых переживаниях и нынешних впечатлениях, жалуется, признается в своих желаниях и чувствах. Врач же слушает, стараясь управлять ходом мыслей больного, кое о чем напоминает ему, удерживает его внимание в определенном направлении, дает объяснения и наблюдает за реакциями притяжения или непритяжения, которые он таким образом вызывает у больного. Необразованные родственники наших больных, которым импонирует лишь явное и осязаемое, а больше всего действия, какие можно увидеть разве что в кинематографе, никогда не упустят случая усомниться: «Как это можно вылечить болезнь одними разговорами?» Это, конечно, столь же недальновидно, сколь и непоследовательно. Ведь те же самые люди убеждены, что больные «только выдумывают» свои симптомы. Когда-то слова были колдовством, слово и теперь во многом сохранило свою прежнюю чудодейственную силу. Словами один человек может осчастливить другого или повергнуть его в отчаяние, словами учитель передает свои знания ученикам, словами оратор увлекает слушателей и способствует определению их суждений и решений. Слова вызывают аффекты и являются общепризнанным средством воздействия людей друг на

друга. Не будем же недооценивать использование слова в психотерапии и будем довольны, если сможем услышать слова, которыми обмениваются аналитик и его пациент.

Но даже и этого нам не дано. Беседа, в которой и заключается психоаналитическое лечение, не допускает присутствия посторонних; ее нельзя продемонстрировать. Можно, конечно, на лекции по психиатрии показать учащимся неврастеника или истерика. Тот, пожалуй, расскажет о своих жалобах и симптомах, но не больше того. Сведения, нужные психоаналитику, он может дать лишь при условии особого расположения к врачу; однако он тут же замолчит, как только заметит хоть одного свидетеля, индифферентного к нему. Ведь эти сведения имеют отношение к самому интимному в его душевной жизни, ко всему тому, что он, как лицо социально самостоятельное, вынужден скрывать от других, а также к тому, в чем он как цельная личность не хочет признаться даже самому себе.

Таким образом, беседу врача, лечащего методом психоанализа, нельзя услышать непосредственно. Вы можете только узнать о ней и познакомитесь с психоанализом в буквальном смысле слова лишь понаслышке. К собственному взгляду на психоанализ вам придется прийти в необычных условиях, поскольку сведения о нем вы получаете как бы из вторых рук. Во многом это зависит от того доверия, с которым вы относитесь к посреднику.

Представьте себе теперь, что вы присутствуете на лекции не по психиатрии, а по истории и лектор рассказывает вам о жизни и военных подвигах Александра Македонского. На каком основании вы верите в достоверность его сообщений? Сначала кажется, что здесь еще сложнее, чем в психоанализе, ведь профессор истории не был участником походов Александра так же, как и вы; психоаналитик, по крайней мере, сообщает вам о том, в чем он сам играл какую-то роль. Но тут наступает черед тому, что заставляет нас поверить историку. Он

может сослаться на свидетельства древних писателей, которые или сами были современниками Александра, или по времени жили ближе к этим событиям, т. е. на книги Диодора, Плутарха, Арриана и др.; он покажет вам изображения сохранившихся монет и статуй царя, фотографию помпейской мозаики битвы при Иссе. Однако, строго говоря, все эти документы доказывают только то, что уже более ранние поколения верили в существование Александра и в реальность его подвигов, и вот с этого и могла бы начаться ваша критика. Тогда вы обнаружите, что не все сведения об Александре достоверны и не все подробности можно проверить, но я не могу предположить, чтобы вы покинули лекционный зал, сомневаясь в реальности личности Александра Македонского. Ваша позиция определится главным образом двумя соображениями: во-первых, вряд ли у лектора есть какие-то мыслимые мотивы, побудившие выдавать за реальное то, что он сам не считает таковым, и, во-вторых, все доступные исторические книги рисуют события примерно одинаково. Если вы затем обратитесь к изучению древних источников, вы обратите внимание на те же обстоятельства, на возможные побудительные мотивы посредников и на сходство различных свидетельств. Результаты вашего исследования наверняка успокоят вас насчет Александра, однако они, вероятно, будут другими, если речь пойдет о таких личностях, как Моисей или Нимрод¹. О том, какие сомнения могут возникнуть у вас относительно доверия к лектору-психоаналитику, вы узнаете позже.

¹

Нимрод (или Немврод) согласно библейской легенде — основатель Вавилонского царства. —
Примеч. ред. перевода.

Теперь вы вправе задать вопрос: если у психоанализа нет никаких объективных подтверждений и нет возможности его продемонстрировать, то как же его вообще можно изучить и убедиться в правоте его положений? Действительно, изучение психоанализа дело

нелегкое, и лишь немногие по-настоящему овладевают им, однако приемлемый путь, естественно, существует. Психоанализом овладевают прежде всего на самом себе, при изучении своей личности. Это не совсем то, что называется самонаблюдением, но в крайнем случае психоанализ можно рассматривать как один из его видов. Есть целый ряд распространенных и общеизвестных психических явлений, которые при некотором овладении техникой изучения самого себя могут стать предметами анализа. Это дает возможность убедиться в реальности процессов, описываемых в психоанализе, и в правильности их понимания. Правда, успешность продвижения по этому пути имеет свои пределы. Гораздо большего можно достичь, если тебя обследует опытный психоаналитик, если на собственном Я испытываешь действие анализа и можешь от другого перенять тончайшую технику этого метода. Конечно, этот прекрасный путь доступен лишь каждому отдельно, а не всем сразу.

Другое затруднение в понимании психоанализа лежит не в нем, а в вас самих, поскольку вы до сих пор занимались изучением медицины. Стилль вашего мышления, сформированный предшествующим образованием, далек от психоаналитического. Вы привыкли обосновывать функции организма и их нарушения анатомически, объяснять их химически и физически и понимать биологически, но никогда ваши интересы не обращались к психической жизни, которая как раз и является венцом нашего удивительно сложного организма. А посему психологический подход вам чужд, и вы привыкли относиться к нему с недоверием, отказывая ему в научности и отдавая его на откуп непрофессионалам, писателям, натурфилософам и мистикам. Такая ограниченность, безусловно, только вредит вашей врачебной деятельности, так как больной предстает перед вами прежде всего своей душевной стороной, как это и происходит во всех человеческих отношениях, и я боюсь, что

в наказание за то вам придется поделиться терапевтической помощью, которую вы стремитесь оказать, с самоучками, знахарями и мистиками, столь презируемыми вами.

Мне ясно, чем оправдывается этот недостаток в вашем образовании. Вам не хватает философских знаний, которыми вы могли бы пользоваться в вашей врачебной практике. Ни спекулятивная философия, ни описательная психология, ни так называемая экспериментальная психология, смежная с физиологией чувств, как они преподносятся в учебных заведениях, не в состоянии сказать вам что-нибудь вразумительное об отношении между телом и душой, дать ключ к пониманию возможного нарушения психических функций. Правда, в рамках медицины описанием наблюдаемых психических расстройств и составлением клинической картины болезней занимается психиатрия, но ведь в часы откровенности психиатры сами высказывают сомнения в том, заслуживают ли их описания названия науки. Симптомы, составляющие эти картины болезней, не распознаны по своему происхождению, механизму и взаимной связи; им соответствуют либо неопределенные изменения анатомического органа души, либо такие изменения, которые ничего не объясняют. Терапевтическому воздействию эти психические расстройства доступны только тогда, когда их можно обнаружить по побочным проявлениям какого-то иного органического изменения.

Психоанализ как раз и стремится восполнить этот пробел. Он предлагает психиатрии недостающую ей психологическую основу, надеясь найти ту общую базу, благодаря которой становится понятным сочетание соматического нарушения с психическим. Для этого психоанализ должен избегать любой чуждой ему посылки анатомического, химического или физиологического характера и пользоваться чисто психологическими вспомогательными

понятиями — вот почему я опасаюсь, что он покажется вам сначала столь необычным.

В следующем затруднении я не хочу обвинять ни вас, ни ваше образование, ни вашу установку. Двумя своими положениями анализ оскорбляет весь мир и вызывает к себе его неприязнь; одно из них наталкивается на интеллектуальные, другое — на морально-эстетические предрассудки.

Не следует, однако, недооценивать эти предрассудки; это властные силы, побочный продукт полезных и даже необходимых изменений в ходе развития человечества. Они поддерживаются нашими аффективными силами, и бороться с ними трудно.

Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология — наукой о содержании сознания. Да, это тождество кажется настолько само собой разумеющимся, что возражение против него представляется нам очевидной бессмыслицей, и все же психоанализ не может не возражать, он не может признать идентичность сознательного и психического. Согласно его определению, психическое представляет собой процессы чувствования, мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и бессознательного желания. Но данное утверждение сразу же роняет его в глазах всех приверженцев трезвой науки и заставляет подозревать, что психоанализ — фантастическое тайное учение, которое бродит в потемках, желая ловить рыбу в мутной воде. Вам же, уважаемые слушатели, пока еще непонятно, по какому праву столь абстрактное положение, как «психическое есть сознательное», я считаю

предрассудком, вы, может быть, также не догадываетесь, что могло привести к отрицанию бессознательного, если таковое существует, и какие преимущества давало такое отрицание. Вопрос о том, тождественно ли психическое сознательному или же оно гораздо шире, может показаться пустой игрой слов, но смею вас заверить, что признание существования бессознательных психических процессов ведет к совершенно новой ориентации в мире и науке.

Вы даже не подозреваете, какая тесная связь существует между этим первым смелым утверждением психоанализа и вторым, о котором речь пойдет ниже. Это второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, утверждает, что влечения, которые можно назвать сексуальными в узком и широком смыслах слова, играют невероятно большую и до сих пор непризнанную роль в возникновении нервных и психических заболеваний. Более того, эти же сексуальные влечения участвуют в создании высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа, и их вклад нельзя недооценивать.

По собственному опыту знаю, что неприятие этого результата психоаналитического исследования является главным источником сопротивления, с которым оно сталкивается. Хотите знать, как мы это себе объясняем? Мы считаем, что культура была создана под влиянием жизненной необходимости за счет удовлетворения влечений, и она по большей части постоянно воссоздается благодаря тому, что отдельная личность, вступая в человеческое общество, снова жертвует удовлетворением своих влечений в пользу общества. Среди этих влечений значительную роль играют сексуальные; при этом они сублимируются, т. е. отклоняются от своих сексуальных целей, и направляются на цели социально более высокие, уже не сексуальные. Эта конструкция, однако, весьма неустойчива, сексуальные влечения подавляются с трудом, и каждому, кому

предстоит включиться в создание культурных ценностей, грозит опасность, что его сексуальные влечения не допустят такого их применения. Общество не знает более страшной угрозы для своей культуры, чем высвобождение сексуальных влечений и их возврат к изначальным целям. Итак, общество не любит напоминаний об этом слабом месте в его основании, оно не заинтересовано в признании силы сексуальных влечений и в выяснении значения сексуальной жизни для каждого; больше того, из воспитательных соображений оно старается отвлечь внимание от всей этой области. Поэтому оно столь нетерпимо к вышеупомянутому результату исследований психоанализа и охотнее всего стремится представить его отвратительным с эстетической точки зрения и непристойным или даже опасным с точки зрения морали. Но такими выпадами нельзя опровергнуть объективные результаты научной работы. Если уж выдвигать возражения, то они должны быть обоснованы интеллектуально. Ведь человеку свойственно считать неправильным то, что ему не нравится, и тогда легко находятся аргументы для возражений. Итак, общество выдает нежелательное за неправильное, оспаривая истинность психоанализа логическими и фактическими аргументами, подсказанными, однако, аффектами, и держится за эти возражения-предрассудки, несмотря на все попытки их опровергнуть.

Смею вас заверить, уважаемые дамы и господа, что, выдвигая это спорное положение, мы вообще не стремились к тенденциозности. Мы хотели лишь показать фактическое положение вещей, которое, надеемся, мы познали в процессе упорной работы. Мы и теперь считаем себя вправе отклонить всякое вторжение подобных практических соображений в научную работу, хотя мы еще не успели убедиться в обоснованности тех опасений, которые имеют следствием эти соображения.

Таковы лишь некоторые из тех затруднений, с которыми вам предстоит столкнуться в процессе занятий психоанализом. Для начала, пожалуй, более чем достаточно. Если вы сумеете преодолеть негативное впечатление от них, мы продолжим наши беседы.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Уважаемые дамы и господа! Мы начнем не с предположений, а с исследования. Его объектом будут весьма известные, часто встречающиеся и мало привлекавшие к себе внимание явления, которые, не имея ничего общего с болезнью, наблюдаются у любого здорового человека. Это так называемые *ошибочные действия* (Fehlleistungen) человека: *оговорки* (Versprechen) — когда, желая что-либо сказать, кто-то вместо одного слова употребляет другое; *опуски* — когда то же самое происходит при письме, что может быть замечено или остаться незамеченным; *очитки* (Verlesen) — когда читают не то, что напечатано или написано; *ослышки* (Verhören) — когда человек слышит не то, что ему говорят, нарушения слуха по органическим причинам сюда, конечно, не относятся. В основе другой группы таких явлений лежит *забывание* (Vergessen), но не длительное, а временное, когда человек не может вспомнить, например, *имени* (Name), которое он наверняка знает и обычно затем вспоминает, или забывает выполнить *намерение* (Vorsatz), о котором позднее вспоминает, а забывает лишь на определенный момент. В третьей группе явлений этот временной аспект отсутствует, как, например, при *запрятывании* (Verlegen), когда какой-либо предмет куда-то убираешь, так что не можешь его больше найти, или при совершенно аналогичном *затеривании* (Verlieren). Здесь перед нами забывание, к которому относишься иначе, чем к забыванию другого рода; оно вызывает удивление или досаду, вместо того чтобы мы считали его естественным. Сюда же относятся определенные *ошибки-заблуждения* (Irrtümer)², которые также имеют временной аспект, когда на какое-то

время веришь чему-то, о чем до и после знаешь, что это не соответствует действительности, и целый ряд подобных явлений, имеющих различные названия.

2

Слово «Irrtum» переводится буквально как «ошибка», «заблуждение». В настоящем издании оно в зависимости от контекста переводится либо как «ошибка», либо как «ошибка-заблуждение». — *Примеч. ред. перевода.*

Внутреннее сходство всех этих случаев выражается приставкой «о-» или «за-» (ver-) в их названиях. Почти все они весьма несущественны, в большинстве своем скоропреходящи и не играют важной роли в жизни человека. Только изредка какой-нибудь из них, например затеривание предметов, приобретает известную практическую значимость. Именно поэтому на них не обращают особого внимания, вызывают они лишь слабые эмоции и т. д.

Именно к этим явлениям я и хочу привлечь теперь ваше внимание. Но вы недовольно возразите мне: «В мире, как и в душевной жизни, более частной его области, есть столько великих тайн, в области психических расстройств так много удивительного, которое нуждается в объяснении и заслуживает его, что, право, жаль тратить время на такие мелочи. Если бы вы могли объяснить нам, каким образом человек с хорошим зрением и слухом среди бела дня может увидеть и услышать то, чего нет, а другой вдруг считает, что его преследуют именно те, кого он до сих пор больше всех любил, или самым остроумным образом защищает химеры, которые любому ребенку покажутся бессмыслицей, мы еще как-нибудь признали бы психоанализ. Но если он предлагает нам лишь разбираться в том, почему оратор вместо одного слова говорит другое или почему домохозяйка куда-то запрятала свои ключи, да и в других подобных пустяках, то мы сумеем найти лучшее применение своему времени и интересам». Я бы вам ответил: «Терпение, уважаемые дамы и господа!» Я считаю, что ваша критика бьет мимо цели.

Действительно, психоанализ не может похвастаться тем, что никогда не занимался мелочами. Напротив, материалом для его наблюдений как раз и служат те незаметные явления, которые в других науках отвергаются как недостойные внимания, считаются, так сказать, отбросами мира явлений. Но не подменяете ли вы в вашей критике значимость проблем их внешней яркостью? Разве нет весьма существенных явлений, которые могут при определенных обстоятельствах и в определенное время выдать себя самыми незначительными признаками? Я с легкостью могу привести много примеров таких ситуаций. По каким ничтожным признакам вы, сидящие здесь молодые люди, замечаете, что завоевали благосклонность дамы? Разве для этого вы ждете объяснений в любви, пылких объятий, а недостаточно ли вам едва заметного взгляда, беглого движения, чуть затянувшегося рукопожатия? И если вы, будучи криминалистом, участвуете в расследовании убийства, разве рассчитываете вы в самом деле, что убийца оставил вам на месте преступления свою фотографию с адресом, и не вынуждены ли вы довольствоваться более слабыми и не столь явными следами присутствия личности, которую ищете? Так что не будем недооценивать незначительные признаки, может быть, они наведут нас на след чего-нибудь более важного. А впрочем, я, как и вы, полагаю, что великие проблемы мира и науки должны интересовать нас прежде всего. Но обычно очень мало пользы от того, что кто-то во всеуслышание заявил о намерении сразу же приступить к исследованию той или иной великой проблемы. Часто в таких случаях не знают, с чего начать. В научной работе перспективнее обратиться к изучению того, что тебя окружает и что более доступно для исследования. Если это делать достаточно основательно, непредвзято и терпеливо, то, если посчастливится, даже такая весьма неприятная работа может открыть путь к изучению великих

проблем, поскольку как все связано со всем, так и малое соединяется с великим.

Вот так бы я рассуждал, чтобы пробудить ваш интерес к анализу кажущихся такими ничтожными ошибочных действий здоровых людей. А теперь поговорим с кем-нибудь, кто совсем не знаком с психоанализом, и спросим, как он объясняет происхождение этих явлений.

Прежде всего он, видимо, ответит: «О, это не заслуживает каких-либо объяснений; это просто маленькие случайности». Что же он хочет этим сказать? Выходит, существуют настолько ничтожные события, выпадающие из цепи мировых событий, которые с таким же успехом могут как произойти, так и не произойти? Если кто-то нарушит, таким образом, естественный детерминизм в одном-единственном месте, то рухнет все научное мировоззрение. Тогда можно поставить ему в упрек, что религиозное мировоззрение куда последовательнее, когда настойчиво заверяет, что ни один волос не упадет с головы без Божьей воли [букв.: ни один воробей не упадет с крыши без Божьей воли]. Думаю, что наш друг не будет делать выводы из своего первого ответа, он внесет поправку и скажет, что если эти явления изучать, то, естественно, найдутся и для них объяснения. Они могут быть вызваны небольшими отклонениями функций, неточностями в психической деятельности при определенных условиях. Человек, который обычно говорит правильно, может оговориться: 1) если ему нездоровится и он устал; 2) если он взволнован; 3) если он слишком занят другими вещами. Эти предположения легко подтвердить. Действительно, оговорки встречаются особенно часто, когда человек устал, если у него болит голова или начинается мигрень. В этих же условиях легко происходит забывание имен собственных. Для некоторых лиц такое забывание имен собственных является признаком приближающейся мигрени. В волнении также часто путаешь слова; захватываешь «по

ошибке» не те предметы, забываешь о намерениях, да и производишь массу других непредвиденных действий по рассеянности, т. е. если внимание сконцентрировано на чем-то другом. Известным примером такой рассеянности может служить профессор из *Fliegende Blätter*, который забывает зонт и надевает чужую шляпу, потому что думает о проблемах своей будущей книги. По собственному опыту все мы знаем о намерениях и обещаниях, забытых из-за того, что нас слишком захватило какое-то другое переживание.

Это так понятно, что, по-видимому, не может вызвать возражений. Правда, может быть, и не так интересно, как мы ожидали. Посмотрим же на эти ошибочные действия повнимательнее. Условия, которые, по предположению, необходимы для возникновения этих феноменов, различны. Недомогание и нарушение кровообращения являются физиологическими причинами нарушений нормальной деятельности; волнение, усталость, рассеянность — причины другого характера, которые можно назвать психофизиологическими. Теоретически их легко можно объяснить. При усталости, как и при рассеянности и даже при общем волнении, внимание распределяется таким образом, что для соответствующего действия его остается слишком мало. Тогда это действие выполняется неправильно или неточно. Легкое недомогание и изменения притока крови к головному мозгу могут вызвать такой же эффект, т. е. повлиять на распределение внимания. Таким образом, во всех случаях дело сводится к результатам расстройства внимания органической или психической этиологии.

Из всего этого для психоанализа как будто немного можно извлечь. У нас может опять возникнуть искушение оставить эту тему. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что не все ошибочные действия можно объяснить данной теорией внимания или, во всяком случае, они объясняются не только ею. Опыт показывает, что ошибочные действия и забывание проявляются и у лиц, которые

не устали, *не* рассеяны и *не* взволнованы, разве что им припишут это волнение после сделанного ошибочного действия, но сами они его не испытывали. Да и вряд ли можно свести все к простому объяснению, что усиление внимания обеспечивает правильность действия, ослабление же нарушает его выполнение. Существует большое количество действий, чисто автоматических и требующих минимального внимания, которые выполняются при этом абсолютно уверенно. На прогулке часто не думаешь, куда идешь, однако *не сбиваешься с пути* и приходишь, куда хотел. Во всяком случае, обычно бывает так. Хороший пианист не думает о том, какие клавиши ему нажимать. Он, конечно, может ошибиться, но если бы автоматическая игра способствовала увеличению числа ошибок, то именно виртуозы, игра которых совершенно автоматизирована благодаря упражнениям, ошибались бы чаще всех. Мы видим как раз обратное: многие действия совершаются особенно уверенно, если на них не обращать внимания, а ошибочное действие возникает именно тогда, когда правильности его выполнения придается особое значение и отвлечение внимания никак не предполагается. Можно отнести это на счет «волнения», но непонятно, почему оно не усиливает внимания к тому, что так хочется выполнить. Когда в важной речи или в разговоре из-за оговорки высказываешь противоположное тому, что хотел сказать, вряд ли это можно объяснить психофизиологической теорией или теорией внимания.

В ошибочных действиях есть также много незначительных побочных явлений, которые не поняты и не объяснены до сих пор существующими теориями. Например, когда на время забудется слово, то чувствуешь досаду, хочешь во что бы то ни стало вспомнить его и никак не можешь отделаться от этого желания. Почему же рассердившемуся не удается, как он ни старается, направить внимание на слово, которое, как он утверждает, «вертится на языке», но это

слово тут же вспоминается, если его скажет кто-то другой? Или бывают случаи, когда ошибочные действия множатся, переплетаются друг с другом, заменяют друг друга. В первый раз забываешь о свидании, другой раз с твердым намерением не забыть о нем оказывается, что перепутал час. Хочешь окольным путем вспомнить забытое слово, в результате забываешь второе, которое должно было помочь вспомнить первое. Стараешься припомнить теперь второе, ускользает третье и т. д. То же самое происходит и с опечатками, которые следует понимать как ошибочные действия наборщика. Говорят, такая устойчивая опечатка пробралась как-то в одну социал-демократическую газету. В сообщении об одном известном торжестве можно было прочесть: «Среди присутствующих был его величество *корнпринц*». На следующий день появилось опровержение: «Конечно, следует читать *кнорпринц*». В таких случаях любят говорить о нечистой силе, злом духе наборного ящика и тому подобных вещах, выходящих за рамки психофизиологической теории опечатки.

Я не знаю, известно ли вам, что оговорку можно спровоцировать, так сказать, вызвать внушением. По этому поводу рассказывают анекдот: как-то новичку поручили важную роль на сцене; в *Орлеанской девице* он должен был доложить королю, что коннетабль отсылает свой меч (*der Connétable schickt sein Schwert zurück*). Игравший главную роль подшутил над робким новичком и во время репетиции несколько раз подсказал ему вместо нужных слов: комфортабль отсылает свою лошадь (*der Komfortabel schickt sein Pferd zurück*) и добился своего. На представлении несчастный дебютант оговорился, хотя его предупреждали об этом, а может быть, именно потому так и случилось.

Все эти маленькие особенности ошибочных действий нельзя объяснить только теорией отвлечения внимания. Но это еще не значит, что эта теория неправильна. Ей, пожалуй, чего-то не хватает, какого-то

дополнительного утверждения для того, чтобы она полностью нас удовлетворяла. Но некоторые ошибочные действия можно рассмотреть также и с другой стороны.

Начнем с *оговорки*, она больше всего подходит нам из ошибочных действий. Хотя с таким же успехом мы могли бы выбрать опisku или очитку. Сразу же следует сказать, что до сих пор мы спрашивали только о том, когда, при каких условиях происходит оговорка, и только на этот вопрос мы и получали ответ. Но можно также заинтересоваться другим и попытаться узнать: почему человек оговорился именно так, а не иначе; следует обратить внимание на то, что происходит при оговорке. Вы понимаете, что, пока мы не ответим на этот вопрос, пока мы не объясним результат оговорки с психологической точки зрения, это явление останется случайностью, хотя физиологическое объяснение ему и можно будет найти. Если мне случится оговориться, я могу это сделать в бесконечно многих вариантах, вместо нужного слова можно сказать тысячу других, нужное слово может получить бесчисленное множество искажений. Существует ли что-то, что заставляет меня из всех возможных оговорок сделать именно такую, или это случайность, произвол и тогда, может быть, на этот вопрос нельзя ответить ничего разумного?

Два автора, Мерингер и Майер (один — филолог, другой — психиатр), попытались в 1895 г. именно с этой стороны подойти к вопросу об оговорках. Они собрали много примеров и просто описали их. Это, конечно, еще не дает никакого объяснения оговоркам, но позволяет найти путь к нему. Авторы различают следующие искажения, возникающие из-за оговорок: перемещения (*Vertauschungen*), предвосхищения (*Vorklänge*), отзвуки (*Nachklänge*), смешения, или контаминации (*Vermengungen, oder Kontaminationen*), и замещения, или субституции (*Ersetzungen, oder Substitutionen*). Я приведу вам примеры, предложенные авторами для этих основных

групп. Случай перемещения: *Die Milo von Venus* вместо *die Venus von Milo* [перемещение в последовательности слов — Милое из Венеры вместо Венеры из Милоса]; предвосхищение: *Es war mir auf der Schwest... auf der Brust so schwer* [Мне было на душе (досл.: в груди) так тяжело, но вначале вместо слова «Brust» — грудь — была сделана оговорка «Schwest», в которой отразилось предвосхищаемое слово «schwer» — тяжело]. Примером отзвука может служить неудачный тост: *Ich fordere Sie auf, auf das Wohl unseres Chefs aufzustoßen* [Предлагаю вам выпить (досл.: чокнуться) за здоровье нашего шефа; но вместо *anstößen* — чокнуться — сказано: *aufstoßen* — отрыгнуть]. Эти три вида оговорок довольно редки. Чаще встречаются оговорки из-за стяжения или смешения, например, когда молодой человек заговаривает с дамой: *Wenn Sie gestatten mein Fräulein, möchte ich Sie gerne begleit-digen* [Если вы разрешите, барышня, я вас провожу; но в слово «begleiten» — проводить — вставлены еще три буквы «dig»]. В слове *begleit-digen* кроется, кроме слова *begleiten* [проводить], очевидно, еще слово *beleidigen* [оскорбить]. (Молодой человек, видимо, не имел большого успеха у дамы.) На замещение авторы приводят пример: *Ich gebe die Präparate in den Briefkasten anstatt Brütkasten* [Я ставлю препараты в почтовый ящик вместо термостата].

Объяснение, которое оба автора пытаются вывести из своего собрания примеров, совершенно недостаточно. Они считают, что звуки и слоги в слове имеют различную значимость и иннервация более значимого элемента влияет на иннервацию менее значимого. При этом авторы ссылаются на редкие случаи предвосхищения и отзвука; в случаях же оговорок другого типа эти звуковые предпочтения, если они вообще существуют, не играют никакой роли. Чаще всего при оговорке употребляют похожее по звучанию слово, этим сходством и объясняют оговорку. Например, в своей вступительной речи профессор заявляет: *Ich bin nicht geneigt (geeignet), die Verdienste*

meines sehr geschätzten Vorgängers zu würdigen [Я не склонен (вместо неспособен) оценить заслуги своего уважаемого предшественника]. Или другой профессор: Beim weiblichen Genitale hat man trotz vieler *Versuchungen... Pardon: Versuche...* [В женских гениталиях, несмотря на много искушений, простите, попыток...]

Но самой обычной и в то же время самой поразительной оговоркой является та, когда произносится как раз противоположное тому, что собирался сказать. При этом соотношение звуков и влияние сходства, конечно, не имеют значения, а замену можно объяснить тем, что противоположности имеют понятийное родство и в психологической ассоциации особенно сближаются. Можно привести исторические примеры такого рода: президент нашей палаты депутатов открыл как-то заседание следующими словами: «Господа, я признаю число присутствующих достаточным и объявляю заседание *закрытым*». Так же предательски, как соотношение противоположностей, могут подвести другие привычные ассоциации, которые иногда возникают совсем некстати. Так, например, рассказывают, что на торжественном бракосочетании детей Г. Гельмгольца и знаменитого изобретателя и крупного промышленника В. Сименса известный физиолог Дюбуа-Реймон произнес приветственную речь. Он закончил свой вполне блестящий тост словами: «Итак, да здравствует новая фирма Сименс и Галске». Это было, естественно, название старой фирмы. Сочетание этих двух имен так же обычно для жителя Берлина, как «Ридель и Бойтель» для жителя Вены.

Таким образом, мы должны к соотношению звуков и сходству слов прибавить влияние словесных ассоциаций. Но и этого еще недостаточно. В целом ряде случаев оговорку едва ли можно объяснить без учета того, что было сказано в предшествующем предложении или же что предполагалось сказать. Итак, можно считать, что это опять случай отзвука, как по Мерингеру, но только более

отдаленно связанный по смыслу. Должен признаться, что после всех этих объяснений может сложиться впечатление, что мы теперь еще более далеки от понимания оговорок, чем когда-либо!

Но надеюсь, что не ошибусь, высказав предположение, что во время проведенного исследования у всех у нас возникло иное впечатление от примеров оговорок, которое стоило бы проанализировать. Мы исследовали условия, при которых оговорки вообще возникают, определили, что влияет на особенности искажений при оговорках, но совсем не рассмотрели эффекта оговорки самого по себе, безотносительно к ее возникновению. Если мы решимся на это, то необходима известная смелость, чтобы сказать: да, в некоторых случаях оговорка имеет смысл (Sinn). Что значит «имеет смысл»? Это значит, что оговорку, возможно, следует считать полноценным психическим актом, имеющим свою цель, определенную форму выражения и значение. До сих пор мы все время говорили об ошибочных действиях, а теперь оказывается, что иногда ошибочное действие является совершенно правильным, только оно возникло вместо другого ожидаемого или предполагаемого действия.

Этот действительный смысл ошибочного действия в отдельных случаях совершенно очевиден и несомненен. Если председатель палаты депутатов в первых же своих словах закрывает заседание, вместо того чтобы его открыть, то, зная обстоятельства, в которых произошла оговорка, мы склонны считать это ошибочное действие не лишенным смысла. Он не ожидает от заседания ничего хорошего и рад был бы сразу его закрыть. Показать этот смысл, т. е. истолковать эту оговорку, не составляет никакого труда. Или если одна дама с кажущимся одобрением говорит другой: *Diesen reizenden neuen Hut haben Sie sich wohl selbst aufgepatz?* [Эту прелестную новую шляпу вы, вероятно, сами обделали? — вместо *aufgeputzt* — отделали], то никакая научность в мире не помешает нам услышать в этой оговорке

выражение: *Dieser Hut ist eine Patzerei* [Эта шляпа безнадежно испорчена]. Или если известная своей энергичностью дама рассказывает: «Мой муж спросил доктора, какой диеты ему придерживаться, на это доктор ответил — ему не нужна никакая диета, он может есть и пить все, что я хочу», то ведь за этой оговоркой стоит ясно выраженная последовательная программа поведения.

Уважаемые дамы и господа, если выяснилось, что не только некоторые оговорки и ошибочные действия имеют *смысл*, но и их значительное большинство, то, несомненно, этот смысл ошибочных действий, о котором до сих пор никто не говорил, и станет для нас наиболее интересным, а все остальные точки зрения по праву отойдут на задний план. Мы можем оставить физиологические и психофизиологические процессы и посвятить себя чисто психологическим исследованиям о смысле, т. е. значении и намерениях ошибочных действий. И в связи с этим мы не упустим возможности привлечь более широкий материал для проверки этих предположений.

Но прежде чем мы выполним это намерение, я просил бы вас последовать по другому пути. Часто случается, что поэт пользуется оговоркой или другим ошибочным действием как выразительным средством. Этот факт сам по себе должен нам доказать, что он считает ошибочное действие, например оговорку, чем-то осмысленным, потому что ведь он делает ее намеренно. Конечно, это происходит не так, что свою случайно сделанную опisku поэт оставляет затем своему персонажу в качестве оговорки. Он хочет нам что-то объяснить оговоркой, и мы должны поразмыслить, что это может означать: хочет ли он намекнуть, будто известное лицо рассеянно, или устало, или его ждет приступ мигрени. Конечно, не следует преувеличивать того, что поэт всегда употребляет оговорку как имеющую определенный смысл. В действительности она могла быть бессмысленной психической

случайностью и только в крайне редких случаях иметь смысл, но поэт вправе придать ей смысл, чтобы использовать его для своих целей. И поэтому нас бы не удивило, если бы от поэта мы узнали об оговорке больше, чем от филолога и психиатра.

Пример оговорки мы находим в «Валленштейне» (*Пикколомини*, 1-й акт, 5-е явление). Макс Пикколомини в предыдущей сцене страстно выступает на стороне герцога и мечтает о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь Валленштейна в лагерь. Его отец и посланник двора Квестенберг в полном недоумении. А дальше, в 5-м явлении, происходит следующее:

Квестенберг

Вот до чего дошло!

(Настойчиво и нетерпеливо.)

А мы ему в подобном ослепленье

Позволили уйти, мой друг,

И не зовем его тотчас обратно —

Открыть ему глаза?

Октавио *(опомнившись после глубокого раздумья)*

Мне самому

Открыл глаза он шире, чем хотелось.

Квестенберг

Что с вами, друг?

Октавио

Проклятая поездка!

Квестенберг

Как? Что такое?

Октавио

Поскорей! Мне надо

Взглянуть на этот злополучный след

И самому увидеть все. Пойдемте.

(Хочет его увести.)

Квестенберг

Зачем? Куда вы?

Октавио *(все еще торопит его)*

К ней!

Квестенберг

К кому?

Октавио *(спохватываясь)*

Да к герцогу! Пойдем!

Перевод Н. Славятинского

Октавио хотел сказать «к нему», герцогу, но оговорился и выдал словами «к ней» причину, почему молодой герой мечтает о мире.

О. Ранк (1910а) указал на еще более поразительный пример у Шекспира в «Венецианском купце», в знаменитой сцене выбора счастливым возлюбленным одного из трех ларцов; я, пожалуй, лучше процитирую самого Ранка.

«Чрезвычайно тонко художественно мотивированная и технически блестяще использованная оговорка, которую приводит Фрейд из «Валленштейна», доказывает, что поэты хорошо знают механизм и смысл ошибочных действий и предполагают их понимание и у слушателя. В «Венецианском купце» Шекспира (3-й акт, 2-я сцена) мы находим тому еще один пример. Порция, которая по воле своего отца может выйти замуж только за того, кто вытянет счастливый жребий, лишь благодаря счастливой случайности избавляется от немилых ей женихов. Но когда она находит наконец Бассанио, достойного претендента, который ей нравится, она боится, как бы и он не вытянул несчастливый жребий. Ей хочется ему сказать, что и в этом случае он может быть уверен в ее любви, но она связана данной отцу

клятвой. В этой внутренней двойственности она говорит желанному жениху:

Помедлите, день-два хоть подождите
Вы рисковать; ведь если ошибетесь — Я потеряю вас;
так потерпите. Мне что-то говорит (*хоть не любовь*),
Что не хочу терять вас; вам же ясно,
Что ненависть не даст подобной мысли. Но, если вам не все еще понятно
(Хоть девушке пристойней мысль, чем слово), — Я б месяц-два хотела задержать вас,
Пока рискнете. Я б вас научила, Как выбрать. Но тогда нарушу клятву.
Нет, ни за что. И так, возможен промах. Тогда жалеть я буду, что греха
Не совершила! О, проклятье взорам,
Меня околдовавшим, разделившим! Две половины у меня: *одна*
Вся вам принадлежит; другая — вам... Мне — я сказать хотела;
значит, вам же, — Так ваше все!..

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Поэт с удивительным психологическим проникновением заставляет Порцию в оговорке сказать то, на что она хотела только намекнуть, так как она должна была скрывать, что до исхода выбора она вся его и его любит, и этим искусным приемом поэт выводит любящего, так же как и сочувствующего ему зрителя, из состояния мучительной неизвестности, успокаивая насчет исхода выбора».

Обратите внимание на то, как ловко Порция выходит из создавшегося вследствие ее оговорки противоречия, подтверждая в конце концов правильность оговорки:

Мне — я сказать хотела; значит, вам же, — Так ваше все!..

Так мыслитель, далекий от медицины, иногда может раскрыть смысл ошибочного действия одним своим замечанием, избавив нас от выслушивания разъяснений. Вы все, конечно, знаете остроумного сатирика Лихтенберга (1742—1799), о котором Гете сказал: «Там, где у него шутка, может скрываться проблема. Но ведь благодаря шутке иногда решается проблема». В своих остроумных сатирических заметках (1853) Лихтенберг пишет: «Он всегда читал *Agamemnon*

[Агамемнон] вместо *angenommen* [принято], настолько он зачитывался Гомером». Вот настоящая теория очитки.

В следующий раз мы обсудим, насколько мы можем согласиться с точкой зрения поэтов на ошибочные действия.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ